

ЕГО ВЫСОТА

Встретиться с Александром Никифоровичем Аксеновым оказалось не так просто. То внезапно вспыхнули фронтовые раны и Александр Никифорович долго не выходил из квартиры. То приехал из Москвы сын с семьей — какие уж тут разговоры с газетчиком. Но была, на мой взгляд, и еще одна причина: настороженное отношение к журналистам. А точнее — недоверие к ним, вызванное потоком публикаций, где что ни слово, то ком грязь или увесистый камень в недавнее вчера. Разумеется, это относилось не ко всем журналистам, но все же... Я терпеливо ждал, и вот, наконец, наша встреча состоялась.

Когда я переступил порог квартиры Аксенова, где не было роскоши, но и не выглядывала из всех углов нищета, услышал для себя неожиданное:

— Я выполнил ваше задание. Вы просили меня рассказать о моей жизни. Я это сделал. Садитесь—ка поудобнее в кресло. Я прочту то, что написал...

«Родился я 9 октября 1924 года на Гомельщине в деревне Кунтаровка Ветковского района в бедной крестьянской семье. Когда мне было 11 лет, умерла от туберкулеза мама. Злое, колючее сиротство отобрало у меня безоблачное детство. Однажды, когда отца не было дома, к нам наведались воры. Один вор взобрался на соломенную крышу и на наших глазах стал сдирать ее, чтобы проникнуть в сарай. Две мои сестренки девяти и семи лет колотятся от страха и ревут; братик, которому после смерти мамы было всего полгода, глядя на них, заливается плачем. И у меня сердце бьется так, что вот-вот выпрыгнет из груди. Но я старший в доме. Что скажет отец, если я позволю ограбить нас? И что произойдет с нами? Я принимаю решение: внезапно распахиваю окно, выпрыгиваю из него перед носом грабителей и с криком бегу по улице. Один из воров гонится за мной. На мой крик сбегались люди, и воры вынуждены были спасать свою шкуру. Взрослые восхищались мною, и я чувствовал себя героем.

«Я не перевертыш. И лаять сегодня на день вчерашний за компанию с перевертышами никогда не буду».

вая зарюбка: ответственность за других придает человеку мужество».

В 1938 году, после окончания семилетки с похвальной грамотой, Александр Аксенов отправился в Гомель. Было это в конце августа — вступительные экзамены уже закончились. На что был на кого рассчитывал сельский парень? На себя и добрых людей. И не ошибся. С ним долго беседовал директор педагогического техникума Михаил Михайлович Турман. Чуткий, глубокий педагог, он прочел душу юноши, как раскрытую книгу. Александр Аксенов, круглый отличник, был зачислен студентом педтехникума без вступительных экзаменов.

Всю свою жизнь будет помнить Александр Никифорович доброту этого человека.

через ролные пшеничные просторы на кровавые поля войны уходили сельские парни. А тут — любовь, у которой свои законы. Они поженились, когда до ухода Александра Аксенова на фронт оставалось всего неделя...

О войне Александр Никифорович написал буквально несколько строчек.

«На фронте я командовал взводом. Не раз поднимал и воюил в атаке бойцов. В одном из боев на высоте Матвеева Кургана (бойцы его окрестили Курганом смерти) был контужен и тяжело ранен в обе ноги».

...Эта проклятая высота была по дороге из Сталинграда на Ростов. Немцы укрепились по всем правилам обороны, сделав ее неприступной. Вся равнина вокруг лежала, как на ладони. Каждая

орден боевой Славы. А ту высоту в народе стали называть Аксеновской. И не она ли, эта высота, предопределила его биографию, характер и всю последующую жизнь?..

Как только Белоруссию освободили от немецко-фашистских захватчиков, ЦК ВЛКСМ направил Александра Аксенова на родную землю. В Барановичах он работал первым секретарем горкома комсомола, а затем — секретарем Барановичского обкома комсомола по военно-физкультурной работе, секретарем обкома по кадрам. В Гродно Александра Аксенова избирают первым секретарем обкома комсомола. Это было в 1950 году. Тогда в Белоруссии насчитывалось 12 областей. И Александр Никифорович был единственным из первых комсомольских

доказывая, что исходить надо из истинного состояния хозяйств. Из их реальных возможностей, а самое главное — из целесообразности строительства таких объектов. Разругались мы с Петром Мироновичем так, что дальше некуда. Петр Миронович направился в гостиницу, я — домой. Ночь проходит, а сна — ни в одном глазу. «Зачем я все это высказал ему в такой резкой форме? Ведь можно было объяснить по-другому. Я не убедил Машерова, не сумел доказать свою правоту...» С тяжелым сердцем поутру направился я в гостиницу. Захожу в номер. Здоровуюсь. Петр Миронович через всю комнату тянет ко мне руку и, улыбаясь, говорит: «Александр Никифорович, извини меня. Я был не прав. Ночь не спал...» И все как рукой сняло. Все стало на свои места. Трагический уход из жизни Петра Мироновича Машерова, конечно же, надолго осиротил республику.

Первыми секретарями ЦК после смерти Машерова были покойный Т.Я.Киселев и здравствующий ныне Н.Н.Слюньков. Оба умные, способные люди, но с точки зрения стиля работы и методов руководства они были совсем другого масштаба по сравнению с П.М.Машеровым. Их главное оружие — диктаг. И, конечно же, перестраиваться под такие методы руководства мне, как и другим ответственным работникам, было нецелесообразно, да и трудно».

А потом было еще два высоких назначения: Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Польше и председатель Государственного комитета СССР по телевидению и радиовещанию.

«Полвека моей жизни связано с самой различной руководящей работой. Да, я обладал реальной властью. Иногда очень большой. Но ни годы, ни события не стерли из моей памяти очень важную зарюбку: власть — это прежде всего ответственность за то, чтобы жизнь стала лучше, а люди — добрее. Эта зарюбка — мой нравственный постулат, мой главный жизненный принцип, которому я следовал всегда, и, положив руку на сердце, я могу сказать, что высокие награды — четыре ордена Ленина, орден Октябрьской Революции, два ордена Трудового Красного Знамени, орден Отечественной войны I степени, орден Славы III степени — это не просто оценка всей моей жизни. Это признание перед Отечеством заслуг моего по-